

● ● ●
Вырвав из горла города лязг и скрип,
Поезд сорвался с места, беря разгон.
В городе N ипотека у всех и грипп.
В городе N прицепили пустой вагон.

Хочется в тамбуре хлипкую дверь отжать.
Там, за последней преградой,— закат поспел.
Кто-то пытался на поезде убежать,
Скрыться от города. Видимо, не успел.

Словно пути для него поросли быльём,
Не помогла ни одна из дорожных карт.
Лишь проводница кому-то несёт бельё.
Ей-то известно, что вся наша жизнь—плацкарт.

● ● ●
Судьбы холодная распутица.
Дорога к счастью далека.
Но всё же верь: душа распустится.
Она жива. Она легка.

И, вопреки всеобщей сирости,
Не признавая пустоты,
Она ещё над прошлым вырастет,
Как все бессмертные цветы.

Судьбы холодная распутица.
Но в этот миг душа жива!
Поверь, она вот-вот распустится.
По швам?

● ● ●
Утекает зима из города,
Оставляя повсюду слякоть.
Снеговик умирает гордо,
Не пытаясь скулить и плакать.

Помнит он, как метели пели
Белой вьюгой под белым флагом.
Умирает под звон капли
Красногрудой весне на благо.

Отступает зима из города,
Вслед ей рельсы гудят протяжно.
Снеговик умирает гордо...
Он—лишь снег. И ему не страшно.

● ● ●
Завтра будет утро, весна, и там,
Где плелись тропинки корявых судеб,
Забурлит рассветная суета,
Запоют коты о душевном зуде.

И начнёт так сладко щемить в груди
От стремленья жить, позабыв все беды.
Но февраль последней пургой гудит.
И вопросы мечутся: как ты? где ты?

Ударяют в череп, лишают сна.
Тяжкий груз сомнений—вот всё, что нажил.
По вискам мигренью стучит весна.
Первая твоя. А могла быть наша.

● ● ●
Наполненное хрипами и свистом,
Простуженное небо надо мной,
Над зимнею хандрою затяжной,
Над городом, заснеженным и мгlistым.

Зиме конец, но тихий двор забит
Вчерашним снегом, чёрным и тяжёлым,
И хочется, чтоб поскорей сошёл он,
Но всё ещё от холода знобит.

Прокашляется ржавый водосток,
И хлынет снег, разнеженный до влаги,
Подснежники проклюнутся в овраге,
Где был сугроб—распустится цветок.

Придёт весна—лирична и нежна,
Прозрачней станут облака и души.
Я верю: мы переболеем стужу.
И ты, и я, и небо. И страна.

● ● ●
Ван-ту-фри...
Ножницы режут пуповину.

Ван-ту-фри...
Бумага хранится в загсе.

Ван-ту-фри...
Камень.

● ● ●
Дичают, «волчуют» домашние псы на цепи.
Мы в собственной жизни нечасто встречаем иное...
В сердцах чертыхнётся спасатель, багром подцепив
Измятого смертью безвестного сельского Ноя.

Соседи руками всплеснут: дескать, жаль алкаша.
Чуть вскрылась река, стал чинить самодельную лодку.
Хоть пил беспробудно, а всё же— живая душа,
И знатный рыбак был на зависть всему околотку.

Его пронесут через сени в неприбранный дом,
До бывшей жены в сотый раз дозвониться не смогут.
Примчится дворняга, начнёт барабанить хвостом.
Она опоздала, но всё же пришла на подмогу.

Штормовое

1.

Высокий штиль разгладил паруса.
Все замерли, умолкли голоса.
Но я там был! На капитанский мостик
Шагнул и гордо вдаль взглянул с него
Туда, где, кроме моря,— ничего,
И прохрипел:
— Мы— черепа да кости.

Мы— чёрный флаг. Пусть мясо на костях
Стремится в порт, но там мы лишь в гостях
И кончим путь в пучине иль на рее.
Однажды шторм ударит в паруса,
И ветер заскользит по волосам,
А мы докажем, что живём и реем.

Я говорил с надеждой в унисон,
Когда вдруг понял: это просто сон
В моём мирке под слоем книжной пыли.
И, пробуждаясь в звонкой тишине,
Я грезил лишь о штормовой волне,
Которая куда привычнее штиля.

2.

От затихшего шторма остался лишь перегар,
А вчера так мечталось о сказочных берегах:
Чтоб в высоких ботфортах шагать «поперёк земли»
И в бутылке искать не похмелье, но корабли.
...Или, может, посланья от тех, кто разбит о риф.
Я сжимал по-хозяйски потёртый гитарный гриф.
Нежно пела волна, ударяя в высокий борт,
Ведь из зоны комфорта ушёл, покидая порт,
Чтоб, цепляясь за память, безумствуя и скуля,
Обретая надежду, с восторгом кричать: «Земля!»

Это было вчера: зимний город дрожал в окне,
На последней волне, на звенящей в ночи струне
Я пытался сыграть, горько песню катал во рту,
Но остался в таверне, в своём штормовом порту.
А наутро, иссушенный бурей, упитый в дым,
Я вернулся в сознание и зло прохрипел: «Воды...»

● ● ●
Вечер над сумрачной Калкою.
Майские звёзды близки.
Сердце подстреленной галкою
Падает в омут тоски.

Где ж вы, союзники, половцы,
Ловкие дети степи?
Где же вы, русские молодцы?
Кто из вас во поле спит?

От Субедея нетронуты
Только ветра утекли.
Памяти горькие омуты—
Там, где уже не болит.

Веет мучительным холодом,
Горечью новой войны.
В небе, бедою расколотом,
Дикая звёзды видны.

● ● ●
Я всё мягче иду по земле,
Но всё так же не знаю куда.
За десятки истоптанных лет
Поменялись мои города.

А безвременье дико гудит,
Дует в медные трубы беда.
Что ещё мне осталось пройти,
Знают только огонь да вода.

Что ещё? По полям и лесам,
Где стрекочет наивный сверчок...
То ли жизнь такова, то ли сам—
Дурачок?

● ● ●
И кажется: пустая трата вре...
Писать стихи и размышлять о жи...
В грядущем неизбежном ноябре
Ты мне про жизнь и время расскажи.

За окнами ржавеют гаражи,
На свежий снег ложится влажный след,
И кажется: пустая трата жи...
Писать посланья пальцем на стекле.

Дыши-пиши, дыши-читай, дыши
И согревай дыханьем наш уют.
Жаль, брэнному вместилищу души
Опять дела покоя не дают.